

Юлия Амусина

Мир против нас

УДК 82-312.4
ББК 84-4
А62

Амусина Ю.

А62 Мир против нас / Юлия Амусина. – М.: Литнет, 2026. – 332 с.

ISBN 978-5-521-99801-2

Опустившись с ней рядом, он медленно протянул ладонь, коснувшись латексным пальцем кровоподтека на ее нежной щеке.

– Все хорошо, – проговорил одними губами, не сводя глаз с ее побелевшего лица. – Теперь все будет хорошо.

Не отвечая, она прислонилась затылком к стене за своей спиной, опуская вниз дрожащие ресницы.

– Не было смысла со мной бороться, – обхватив за подбородок двумя пальцами, он повернул ее лицо к себе, вновь жадно впиваясь глазами в ее потускневшие глаза, вынужденно взирающие на него с ненавистной мольбой и ожиданием самого страшного.

– Ты ошиблась. Все могло быть совершенно по-другому...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99801-2

© Литнет, 2026

© Амусина Ю., 2026

*Если вдруг замучили тебя
Шорохи ночные в тишине
Лучше помолись, ведь это я,
Это я уже иду к тебе...*
Агата Кристи – «Секрет»

Пролог

Несколько лет назад

Из темного нутра разверзшейся перед ним глубокой дыры не доносилось ни единого шороха.

Он постоял немного у самого края отодвинутого в сторону люка, тщательно прислушиваясь к звукам как изнутри, так и со стороны пустынной дороги, по которой очень редко двигались транспортные средства. В случае каких-либо непредвиденных обстоятельств опасности следовало ждать именно оттуда. Но сейчас все было по привычному спокойно, лишь шелест начавшей появляться листвы нарушал безлюдную тишину, скрывающую в своем сердце неприметное логово зверя.

Схватившись ладонями в перчатках за края открытой дыры, он поставил ногу на верхнюю перекладину и принялся осторожно спускаться по лестнице в мрачные недра каменного мешка, испытывая все нарастающее волнение где-то очень глубоко в груди.

Каждый раз, как первый.

Прошло уже почти два месяца с тех пор, как он решился на самый отчаянный шаг, но время для него по-прежнему измерялось шорохом страниц календаря, не воздействуя на глубокие душевные раны, штопанные наживо и вспарываемые раз за разом. Все будто бы оставалось прежним: навязанная жизнь в нескольких удаленных точках, сложные обязательства, и даже та, что так неосмотрительно

разбила вдребезги жалкие остатки человеческого в нем, пинками подвела к шаткой грани, за которой уже нельзя остаться тем, кем был всю свою сознательную жизнь; даже эта хладнокровная стерва все еще волновала его, пусть ее броская красота уже не была такой совершенной, как до дня ее заточения в этом месте.

Коснувшись земли подошвами высоких шнурованных ботинок, чувствуя собственный ускоряющийся пульс, он прошел к виднеющейся впереди клетке, достигающей самого верха грубо вытесанного пространства, и очень медленно завоzilся с замком, поглядывая в ту сторону, где сидела, съжившись, его любимая девочка. Он знал, что она с трепетным нетерпением и страхом прислушивается к нарочитому лязгу ключей по железу замка, мысленно отсчитывая секунды до их скорой встречи лицом к лицу, потому и тянул, испытывая ее волю, а заодно и свою выдержку.

Замок щелкнул. Он тихо прошел внутрь камеры и остановился в шаге от неподвижной девушки, чьи длинные спутанные волосы наполовину прикрывали красивое лицо. Ее некогда выразительные глаза теперь взирали на него двумя мутными омутами, которые до сих пор жгли насквозь, так и норовили захватить его в свой губительный плен, откуда уже невозможно вынырнуть обратно. Клопочущая ненависть сделала зрачки ее глаз совсем темными, и это ему тоже в ней нравилось. *Ему нравилось в ней все, безмолвное выражение ужаса, забитая покорность, истрепанные вещи на тонкой исхудавшей фигурке, исцарапанные в кровь ладони и маленькие босые ноги в стальных кандалах, припаянных к длинной цепи.*

Она нравилась ему. Несмотря ни на что.

Это проклятое наваждение, слепящее разум, было не в пример сильнее него. Он просто не мог заставить себя *разлюбить*, как ни пытался выдрать из груди собственное больное сердце, чтобы швырнуть его кровавым ошметком в ее прекрасное надменное лицо и наконец-то освободить себя от этой невозможной зависимости, название которой соотносилось с ее именем.

Он нагнулся, подняв с пола ее валяющуюся туфлю, черную, с круглым носом и некогда острой, теперь же наглухо отбитой шпилькой. Светлая стелька была щедро измазана засохшей кровью, словно ее владелица надевала туфли на израненные ноги. Он посмотрел на девушку. Еще совсем недавно такая уверенная в себе, дерзкая и бесстрашная, сейчас она была готова на что угодно, лишь бы вырваться из непреодолимой преграды каменных стен и их непосредственного хозяина.

Теперь она начинала сознавать всю нереальность своего желания. Это делало бывшую *первую красавицу* школы непривычно кроткой и до отвратительного покорной, но не могло уберечь ее от приговора, вынесенного самим *Ангелом Возмездия*.

Она попала к нему на прицел. Пути назад нет, все мосты сожжены и обращены в серый пепел.

Он едва мог держать себя в руках рядом с ней. Тысячи невысказанных слов терзали его изнутри, застывая на неповоротливом языке, обращаясь навязчивым желанием сомкнуть ладони на ее хрупком горле и поддавить, а затем наблюдать в мучительном наслаждении, как закатываются ее прекрасные глаза, как жизнь покидает ее теплое тело, перетекает из нее *в его иссушенное любовью сердце*, где ей, отринувшей этот мир, уготовано остаться навечно.

Опустившись с ней рядом, он медленно протянул ладонь, коснувшись латексным пальцем кровоподтека на ее нежной щеке.

– Все хорошо, – проговорил одними губами, не сводя глаз с ее побелевшего лица. – Теперь все будет хорошо.

Не отвечая, она прислонилась затылком к стене за своей спиной и опустила вниз дрожащие ресницы.

– Не было смысла со мной бороться, – обхватив за подбородок двумя пальцами, он повернул ее лицо к себе, вновь жадно впиваясь глазами в ее потускневшие глаза, вынужденно вззирающие на него с ненавистной мольбой и ожиданием самого страшного. – Ты ошиблась. Все могло быть совсем по-другому, *если бы...*

Он не договорил. Измученная девушка тихо всхлипнула, совсем чуть-чуть приоткрывая потрескавшиеся губы в мелких ранках, будто пытаясь возразить ему что-то, но так и не произнесла ни слова.

— Мы могли избежать всего этого, — глухо продолжил он, другой ладонью с особенной лаской приглаживая ее перепутанные волосы, когда-то мягкие, волнами струившиеся по плечам, теперь же похожие на сухую изжеванную мочалку. — Я был с тобой рядом. Я лишь хотел, чтобы мы любили друг друга. Чтобы ты была моей королевой. Но ты уничтожила все... Видишь, что ты наделала? Смешала меня с дерьмом. Думала, это сойдет тебе с рук, рана когда-нибудь заживет, *и тебя не заденет...* Ты сама сделала свой выбор, *мерзкая бездушная тварь*, — он резко сомкнул ладонь на ее запястье, дернув к себе податливое девичье тело, и процедил ей на ухо. — Ты сполна заслужила все то, что тебя ожидает *в моей власти*.

Монолитные стены глубокого каменного мешка в мгновение поглотили раздавшийся пронзительный крик. Длинная цепь грохнула по бетонному полу. Настежь распахнутая дверца в смертельную клетку более не играла никакой роли. Надежно запертый люк, единственный путь, ведущий наружу из пропахшего кровью гиблого места, был доступен *всего одному человеку*, и этот человек не был намерен проводить по нему кого-то другого.

Каменный мешок захлопнулся, получив свою почетную Первую жертву.

Глава 1

Она крепко обхватила свое тело холодными ладонями, стараясь унять непрекращающуюся бешеную дрожь, не сознавая толком, что оставляет кровавые следы на одежде. Зубы клацали друг о друга так громко, что, казалось, их стук наглухо перекрывает до отворачивания неуместную, слишком веселую песню по радио. Невидящим взглядом она смотрела за тем, как щетки стеклоочистителей упрямо воюют с падающими хлопьями почти прозрачного снега. Все воспринималось жутким мрачным сном, который вот-вот должен кончиться. Нужно только подождать.

Подождать...

Неуловимое движение слева – его ладонь нырнула в бардачок, что-то оттуда достала и пихнула Риту в бок твердым предметом.

– Хлебни, – непререкаемым тоном бросил Костя, теперь управлявший автомобилем одной рукой.

Дернувшись от него, Рита неясно помотала головой.

– Пей, – громче приказал он, вновь больно ткнув ее извлеченной из бардачка флягой.

Подчиняясь громкому звуку его голоса, Рита машинально протянула окровавленную ладонь, отвинтила крышку и сделала глоток горькой обжигающей жидкости. Алкоголь опалил пересохшее горло, она закашлялась, из глаз тут же хлынули с трудом сдерживаемые слезы. Фляга выскользнула из пальцев, ее содержимое немедленно потекло по сжавшимся ногам девушки. Заметив это, Костя зло выругался, но его слова утонули в невесомом коконе ее разрозненных мыслей.

– Возьми себя в руки, – наконец велел он, мельком глянув на исходящую мелкой дрожью спутницу. – Мне нах*** не сдались твои истерики.

– Я ч-чудовище, – пробормотала она одними губами, промокшими от катящихся по щекам слез. – *Я убила его*. Мы должны вернуться. *Вернуться...* Сейчас же, слышишь?!

– Уже разворачиваюсь, – огрызнулся Костя, сильнее втопив педаль газа в пол.

Вымученно откинувшись на спинку сиденья, она запрокинула голову, пытаясь хоть как-то совладать со слезами и надвигающейся истерикой. Конечно, он не станет ее слушать. Костя не понимает, *что именно* она сейчас чувствует, не может понять. Он другой, слеплен из иного теста, и то, что так близко ей, абсолютно чуждо ему. Он вряд ли решил бы вернуться, если б там в подворотне осталась лежать она, Рита; собственное благополучие для него всегда было в приоритете. Макс для него и вовсе посторонний человек. Так легко было оставить его истекать кровью от, быть может, смертельной раны, бросить подыхать без помощи, как бродячего пса, умыть руки и вверить ответственность за его судьбу провидению, всевышним силам.

Для Кости – легко, а для нее?

Даже теперь в голове смутным эхом перекликался его добродушный, с ленцой, голос: *«Ритка, ну хороши, завязывай уже таскать мои вещи!..»*

Макс всегда разговаривал с ней мягче, даже если перед этим вел разговор на повышенных тонах с кем-то еще.

– Вернись, – едва слышно пробормотала Рита, сильнее сцепив окровавленные пальцы и впившись ногтями в мягкую кожу ладоней. – Разверни чертову машину, Костя!

– Прекрати, – он раздраженно поморщился.

– Ты не понимаешь? Мне плевать на твоих врагов, мой друг умирает! – она всхлипнула, неосознанно хватаясь ладонью за дверную ручку. Мельком на нее покосившись, Костя тут же нажал на кнопку, блокирующую все двери. – Мы не оставляем ему ни единого шанса... Так нельзя, нельзя! Я прошу тебя, сделай что-нибудь, помоги ему... *Помоги, черт бы тебя побрал!* – но Костя, казалось, ее даже не слушал. – Хватит. Останови машину!

Видя, что ее отчаянные слова не производят ровным счетом никакого эффекта, Рита вдруг подалась вперед, пытаясь перехватить

ладонью руль, но Том был начеку и легко отбросил ее назад на сиденье. Ее горькие слезы и непрерывные вопли мало его трогали, так или иначе, но возвращаться ради спасения несмышленного дружка Хаоса, терять драгоценное время, тем самым подставляя свою голову и увеличивая шансы на проигрыш, он точно не собирался.

– Заткнись, иначе следующая маслина пойдет прямиком тебе в лоб, – жестким тоном пообещал он всхлипывающей Рите; ее идотская истерика здорово действовала ему на расшатанные нервы. – Этому щенку уже не помочь. Твои вопли ничего не изменят.

Позднiяк метаться.

Рита замерла, пытаясь сообразить, сколько прошло времени с момента, как Том нажал на курок, но цифры не складывались, растворялись. Вспомнился беспомощный взгляд широко распахнутых в наивном удивлении глаз Макса, которым он смотрел на нее, когда Рита изо всех сил прижимала его же пальцы к ране, не давая крови вместе с жизнью покидать слабеющее тело. Щёлоков до самого конца не верил, что теперь они с Ритой *действительно* находятся по разные стороны одной большой игры; яростное отрицание, разбавленное болью, отчетливо читалось в его тускнеющих глазах.

Только в последний момент она уловила в них еще и горькое осознание...

Смахнув с лица слезы, Рита вытащила мобильный и с трудом, так как дрожащие пальцы не попадали в сенсорные кнопки, пачкая экран кровью умирающего друга, а слезы застилали глаза, мешая обзору, набрала короткое смс. Номер получателя вбила по памяти, нажала «*отправить*», молясь про себя, чтобы не было поздно. Лишь когда телефон запищал, оповещая о доставке сообщения, Костя обратил внимание на ее быстрые действия.

– Дура! Что ты там делаешь?! – он грубо выхватил из ее рук мобильный и, приспустив стекло со своей стороны, в ярости швырнул телефон наружу.

Хаос

«Макс умирает. Нет времени. Помогите ему, Глеб».

Что еще за бакланьи шутки, мать их?!

Хаос пробежался глазами по следующему припиской адресу. Улица и номер дома ни о чем ему не говорили, но отмахнуться от странной смс-ки, пришедшей со скрытого номера, Глеб не мог: неизвестный отправитель, словно предупреждая такой вариант, специально написал его имя, упомянул Макса. Ошибки быть не могло, особенно учитывая, что в последнее время со всех сторон на них так и прут вперемешку разнообразные головняки...

Глеб вскочил, попутно вызывая в памяти телефона номер Макса, нажал на кнопку громкой связи и принялся наспех натягивать на голую грудь первый попавшийся свитер. Попеременные гудки остро разрезали тишину комнаты, пока не истекло время ожидания ответа, и зуммер не изменил звучание с монотонного на резкое, отрывистое. Функция автодозвона немедленно повторила исходящий звонок, но ответа по-прежнему не было.

С каждым новым гудком тревога росла все сильнее.

Глеб навскидку прикинул, сколько ему понадобится, чтобы оказаться в нужном месте, припомнил короткое *«Нет времени»*, громко чертыхнулся и, выпустив рукав уже почти натянутой куртки, дернулся к исходящему писклявыми гудками телефону.

Быстро набрал другой, более короткий номер.

– Это... *«Скорая»*? – не сразу сообразив, что нужно говорить, Глеб в волнении взъерошил пятерней короткие волосы. – Там... человек ранен, адрес...

Воспроизвел вслух указанные в смс название улицы и номер дома, проигнорировал ворох последовавших за этим вопросов, попросту сбросив звонок, и вновь принялся натягивать куртку. Запустил ладонь в карман, проверяя, там ли ключи от машины.

Уже в прихожей, спешно просовывая ноги в высокие ботинки, услышал где-то над собой: